

© 1997 г., ЭО, № 3

И.Л. Б а б и ч

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА АДЫГОВ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ*

Область юридической этнологии не является новой для современной науки. Первые попытки обобщить материал по обычному праву народов Северного Кавказа относятся к XIX в.¹ Известным социологом и юристом М. Ковалевским, проводившим сравнительное изучение судебных систем народов Западной Европы, России и Кавказа, было создано в российской науке XIX в. новое научное направление – «сравнительное правоведение». М. Ковалевский анализировал эволюцию понятия «преступления», создавал свои классификации типов и видов преступлений, рассматривал систему судебных доказательств и наказания, а также описывал процессуальные действия. Историко-сравнительный метод, которым пользовался М. Ковалевский, позволил ему выявить черты сходства и различия правовых систем некоторых народов мира с учетом тех явлений, на основе которых развивалось конкретное законодательство². Известны замечательные работы русских этнографов второй половины XIX–начала XX в. – Б.Вс. Миллера, В. Тесленко, А. Хаханова и многих других, изучавших различные аспекты обычного права народов Российской империи³.

В последние годы интерес ученых к этому направлению исследований возрос. В Институте государства и права РАН, Институте этнологии и антропологии РАН, Московском юридическом институте защищен ряд диссертаций по этой проблематике. В Грузии появилась Лаборатория по изучению грузинского обычного права при Научно-координационном центре «Социально-культурные традиции» Академии наук Грузии⁴. Во всех обобщающих трудах по народам Северного Кавказа имеется раздел, посвященный институту кровной мести и способам его урегулирования. Между тем для нашего исследования подобные работы не представляют интереса, поскольку в них отсутствует не только научный подход к проблеме, но даже сколько-нибудь всестороннее описание юридических институтов.

Предлагаемый обзор научных публикаций, посвященных различным аспектам юридической этнологии, охватывает различные регионы России, в том числе и Северный Кавказ. Чаще всего исследователи обращались к обычному праву (нормам адата) как к источнику при рассмотрении общественно-политического строя и социально-экономических отношений изучаемых ими народов. Нормы обычного права, до появления русских большей частью неписаные, были зафиксированы администрацией в период освоения российских окраин. Подобные исследования проводились на материалах, относящихся к ряду народов Северного Кавказа, Сибири, казахам, ногайцам и др.⁵ Наряду с этим опубликовано много работ, посвященных изучению семьи, в которых анализируются нормы обычного права в семейно-брачных и наследственных отношениях. При изучении традиционных форм хозяйствования народов России ученые также обращались к адату⁶. Многие исследователи занимались проблемой соотношения в досоветский период российского, мусульманского и обычного права на материалах народов Сибири, Средней Азии и Северного Кавказа. К сожалению, эти исследования в большей степени подверглись влиянию советской идеологии, поэтому

* Работа выполнена при содействии Института «Открытое общество».

используемый авторами научный материал подгонялся под вывод: проводимая российской администрацией на окраинах России судебная реформа являлась карательным орудием царской политики и была направлена на подавление коренного трудового населения. В то же время и само обычное право рассматривалось в качестве «орудия сословной эксплуатации». Утверждалось, что бытовавшая у балкарцев в XIX в. денежная компенсация, назначаемая за разные виды физического ущерба, или иначе «система композиций», «защищала и укрепляла привилегированное положение феодальных владельцев». Адааты народов Дагестана также трактовались как орудие насилия феодалов над угнетенными крестьянами. «Основное содержание обычного права XIX в. сводится к упорядочению и регламентации существовавших феодальных отношений и закреплению господствующего положения карачаевской феодальной знати»⁷.

В предлагаемой работе адат не будет рассматриваться в таком ракурсе. Нам представляется, что общеправовые нормы являются традиционным способом урегулирования конфликтов. В статье главное внимание сосредоточено на выяснении того, в какой степени нормы адата были способны повлиять на конфликтную ситуацию и в какой степени сохранившиеся в виде пережитков отдельные нормы традиционного права способны успешно функционировать в адыгском обществе в настоящее время.

Есть исследования, посвященные таким нормам обычного права, которые регулировали бы отношения между людьми при нанесении физического (ранение, убийство, изнасилование) или материального ущерба (поджоги, потравы, ранения или убийства животных и т.д.). Как правило, в них описана ситуация, характерная для XIX в. Значительными работами в этой области являются исследования кавказоведа В.К. Гарданова. Так, в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук «Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в XVIII–первой половине XIX в.» он рассматривал бытовавшую в адыгском обществе систему композиций, которая давала «строго регламентированную шкалу возмещений за причиненный ущерб имуществу или личности в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего». «Согласно обычному праву кавказских горцев, и в частности адыгов, имущественные платежи составляли основную форму наказаний всех свободных членов общества за любое преступление, включая убийство». До введения норм шариата и русского законодательства адыги не знали таких форм наказаний за преступление, как заключение в тюрьму, нанесение физических ударов, смертная казнь⁸. Проблемы, связанные с преступностью и их возможным урегулированием с помощью традиционного права в эпоху «расцвета» советского уголовного права, являлись для исследователей в течение нескольких десятилетий закрытыми. Работы, поднимавшие эти вопросы, в советское время проводились главным образом силами юристов-практиков в юридических институтах, например, в Научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР. В этих работах содержатся описания бытования кровной мести и традиционных норм ее урегулирования в 40–70-х годах XX в. на Кавказе⁹. Можно выделить и этнографические исследования кровной мести в советский период: А.А. Плиева (на чеченском материале) и Ю.И. Ивановой (на сравнительном материале Кавказа и Балканского п-ова)¹⁰.

Область обычного права была тесно связана с методами российского управления на Кавказе. В кавказоведении существует много исследований по этнографии права адыгов. Среди них можно выделить работы, связанные с рассмотрением той системы судопроизводства, которая была введена Россией на Северном Кавказе. В целом юридическая история адыгов имеет пять основных этапов. 1-й этап: начало 60-х годов XVIII в.–середина 50-х годов XIX в. Это время существования «приставской» системы правления. 2-й этап: конец 50-х годов XIX в.–середина 60-х годов XIX в. Он характеризовался формированием системы так называемого «военно-народного управления». 3-й этап: середина 60-х годов XIX в.–конец 80-х годов XIX в. Это был период «совершенствования» военно-народного управления. 4-й этап: конец 80-х годов XIX в.–1917 г., время значительных преобразований на Северном Кавказе, в том числе и в судебной области. И наконец, 5-й этап – судебные преобразования на Северном

Кавказе в годы советской власти. Он характеризуется постепенным вытеснением традиционного медиаторского примирения и созданием советских судебных органов. В советском адыговедении существуют исследования, которые затрагивают отдельные аспекты вышеописанных этапов юридической истории адыгов. В работе Т.Х. Кумыкова, посвященной истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии в XVIII–XIX вв., дан анализ судопроизводства на первых двух этапах колонизации адыгов¹¹. В статье И.Х. Тхамоковой об истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX в. были освещены некоторые вопросы судопроизводства шапсугов¹². В более широком аспекте правовая ситуация применительно к XVIII–началу XIX в. рассматривалась В.Х. Кажаровым.

В предлагаемой читателям статье рассматриваются традиционные юридические институты в 1920–1930-е годы и в 1950–1990-е годы. Внутри каждого периода материал расположен следующим образом: вначале дается описание исходных конфликтов, затем ситуаций, при которых эти конфликты приводили к повторному насилию, т.е. к кровной мести, и, наконец, рассмотрены варианты мирного урегулирования (разрешения) исходных или повторных конфликтов с помощью традиционного посредничества. Подобный метод применен и в монографии В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–первой половине XIX века», автор которой отмечает, что эти институты чаще всего изучались этнографами «вне времени и пространства», т.е. брались в статике и без учета особенностей их развития в различных районах Черкесии. Этнографы, считает В.Х. Кажарова, преимущественно описывали нормативные аспекты традиционных общественных институтов, отождествляя создаваемые этнографические модели с самой исторической реальностью их функционирования¹³.

Статья написана по архивным судебным материалам 1920–1930-х годов и полевым этнографическим материалам, собранным автором в экспедициях в Кабардино-Балкарию и Адыгею, во время которых проводился опрос местных жителей, народных судей и заседателей, руководителей местной администрации, сельских учителей, религиозных деятелей, а также лиц, участвовавших в традиционном медиаторском примирении.

1920–1930-е годы

Исходные конфликты. Самыми распространенными конфликтами были ссоры между односельчанами, которые чаще всего заканчивались причинением значительного физического ущерба (ранениями или убийствами). Случались серьезные разногласия и между близкими родственниками¹⁴. Причинами большинства сложных ситуаций являлись ссоры из-за женщин, в том числе и конфликты, происходившие во время похищения девушек. Известны также случаи прелюбодеяния и изнасилования: так, в ауле Кишпек эфенди склонил девушку к сожительству, а житель аула Верхний Курп изнасиловал односельчанку. Случались изнасилования адыгами и русских девушек из соседних хуторов. В ауле Хакуринохабль адыгеец изнасиловал девятилетнюю русскую девочку из аула Мамхег¹⁵.

Кровная месть. Месть на Северном Кавказе была распространенным ответом на исходный конфликт. Термин «кровник» часто встречается в архивных судебных материалах, относящихся к 1920–1930-м годам. В работах этих лет приводятся и некоторые статистические данные по отдельным регионам Северного Кавказа. Так, в Дагестане в 1927 г. было совершено 600 убийств «кровников». В Северной Осетии в 1929 г. в тюрьме сидели 16 человек, из них 10 за убийство «кровников»¹⁶. Чаще всего убивали виновного в исходном конфликте. Убийство являлось и формой мести как за убийство, так и за изнасилование¹⁷. Так, в ауле Верхний Курп в 1921 г. житель изнасиловал односельчанку. В скором времени брат потерпевшей убил виновного. Интересно, что при изнасиловании русской девочки адыгейцем русские также прибегли к отмщению и убили виновного¹⁸.

Сохранялись в 1920–1930-е годы и определенные правила поведения «кровников». Они описаны в решениях суда посредников: «спорящие стороны при встрече одного с другим должны давать дорогу обиженному, а виновный должен обходиться и скрываться»¹⁹. Судья С.А. Гюнтер, много лет работавший в Северной Осетии, отмечал появление новых форм мести: 1) донос, 2) дача ложных показаний с тем, чтобы запугать врага, 3) сутяжничество²⁰.

Суд посредников (медиаторский суд). В 1920-е годы советская администрация на Северном Кавказе, создав свои собственные судебные органы, разрешила адыгам обращаться и к суду посредников, которые в течение ряда веков рассматривали конфликтные ситуации в адыгской общине, имущественные и личные конфликты, а также конфликты, связанные с нанесением морального или физического ущерба²¹. Органы советской власти разрешили посредникам разбирать только исходные конфликты. Повторные столкновения передавались на рассмотрение в советский народный суд²². В состав суда посредников обычно входили три человека, по одному от каждой из заинтересованных сторон и один в качестве посредника между ними. Представители сторон, как правило, были авторитетными общинниками, а посредником мог быть мулла, эфендий или председатель сельсовета²³.

Если конфликтная ситуация приводила к ранению одного из ее участников, то посредники обязывали виновного выплатить денежное вознаграждение потерпевшему, оплатить услуги лекаря, оплатить и доставить продукты для угощения гостей во время посещения ими раненого. Если ранение произошло во время сельскохозяйственных работ, то виновная сторона нанимала за свой счет человека для выполнения работы на участке потерпевшего. Если общий размер денежной компенсации был значителен, то виновный мог выплачивать его частями в течение нескольких лет. После выздоровления потерпевшего виновный устраивал примирительное угощение, во время которого дарил раненому лошадь или корову²⁴.

Хотя, как отмечалось выше, суд посредников продолжал функционировать в адыгском обществе и в 1920-е годы, однако дела по убийствам перешли в ведение советских народных судов. Посредники имели право рассматривать только непредумышленные убийства. Так, в 1922 году житель аула Аушигер неумышленно убил жителя аула Догужоково. Дело было рассмотрено судом посредников, который постановил: виновный должен отдать семье потерпевшего пару быков и две коровы в качестве вознаграждения, подарить одну лошадь трех лет и сделать «примирительный обед» по существующему кабардинскому обычаю²⁵. В остальных же случаях местные органы власти предлагали конфликтующим сторонам рассматривать дела, связанные с убийством, в народном суде. Если же адыги все-таки рассматривали такое дело в суде посредников и представляли в официальные судебные органы «медиаторское решение», то советский суд признавал это решение недействительным и требовал нового рассмотрения дела. В силу этого мы обнаружили только один случай рассмотрения судом посредников дела по убийству, в результате чего была установлена выплата виновным денежной компенсации в пользу семьи потерпевшего. После этого виновный обязан был устроить «примирительное угощение»²⁶. Вытеснение суда посредников из системы адыгского судопроизводства было постепенным процессом, и в первую очередь он затронул конфликты, связанные с убийством.

Между тем использование посредничества при урегулировании конфликтов, связанных с убийством, полностью не исчезло. Адыги старшего поколения рассказывали об обращении в 1940-е годы к посредникам при убийстве сторожа во время кражи кукурузы в одном кабардинском ауле. Поскольку родственники потерпевшего решили отомстить виновному, в это дело вмешались авторитетные старики. Посредники рассмотрели ситуацию, назначили денежную компенсацию, которая и была выплачена. Отметим, что именно в эти годы появляется система «двойного» урегулирования «криминальных» ситуаций: одновременное рассмотрение дела в советском народном суде, как это было и при убийстве сторожа, и традиционное посредническое урегулирование²⁷.

Иногда потерпевшая сторона обращалась в советские судебные органы с просьбой выполнить функцию посредника. Это происходило в тех случаях, когда виновный отказывался выплатить установленную посредниками денежную компенсацию и потерпевший просил советский суд помочь получить деньги или когда потерпевший был недоволен решением суда посредников и просил рассмотреть дело, опираясь на советское законодательство. Известно, что некоторые ситуации, например, неумышленные преступления, по-разному оценивались судом посредников и советским судом. Суд посредников при рассмотрении ситуаций, связанных с неумышленными ранениями или убийствами, назначал денежную компенсацию, тогда как советский суд оправдывал виновного²⁸. Таким образом, адыги использовали тот суд, который им был выгоднее. И наконец, если выплаты установленной судом посредников «цены крови» не последовало, виновная сторона продолжала бояться мести со стороны потерпевшей семьи и обращалась в советский суд с просьбой «оградить ее от мести»²⁹.

Суд по шариату. В XIX–начале XX в. суд по шариату, в отличие от посреднического суда по адату, в адыгской общине не получил широкого распространения, он ограничивался рассмотрением семейных дел, связанных с браком, разводом и наследством. В 1920-х годах российская администрация предпочитала поддерживать суд не по адату, а по шариату. В 1921 г. на съезде Горской республики С.М. Киров говорил: «Если вы желаете судиться по шариату – судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу»³⁰.

Суды по шариату стали учреждаться даже там, где ранее они не были широко распространены. Так, в 1918 г. в Кабарде были созданы сельские и окружные шариатские суды, а также Нальчикский городской шариатский суд. Судя по приведенным ниже статистическим данным, в первые годы функционирования «шариатских» судов в них рассматривалось много гражданских и уголовных дел: за 1921 г. в Нальчикском городском шариатском суде было рассмотрено 12 уголовных дел и 125 гражданских, а в городском народном суде соответственно – 57 и 73. В Адыгее с 1923 по 1925 г. народными судами было рассмотрено 6007 уголовных и 6139 гражданских дел, а шариатским судом – соответственно 2837 и 542³¹.

Однако обнаруженные нами архивные материалы показывают другое. Адыги предпочитали рассматривать свои дела, в особенности уголовные, не в шариатском, а в медиаторском суде, что видно из судебных документов 1920-х годов. Дело в том, что суды «по шариату» и «по адату» по-разному относились к убийству. Суд «по адату», как указывалось выше, назначал денежную компенсацию, тогда как суд «по шариату» наказывал тюремным заключением, сроки которого были идентичны тем, что назначались советским народным судом (три года)³². «Шариатские» суды в Адыгее и Кабарде были ликвидированы в 1925 г.³³

«Примирительные камеры» и «общественный суд». На северо-западном Кавказе создавались и другие судебные органы, например, «примирительные камеры» и «общественный суд». В Кабарде «примирительные камеры» были учреждены в 1927 году для урегулирования сельских споров. Их членами были мужчины и женщины от 20 до 40 лет, члены ВЛКСМ и ВКП(б). «Примирительные камеры» состояли из народного судьи и двух заседателей и могли рассматривать как гражданские, так и уголовные дела. Советская администрация обязывала адыгов обращаться за разрешением своих конфликтов в эти судебные органы. В случае отказа потерпевшего разбирать дело в «примирительной камере» ему угрожали уголовной ответственностью³⁴. В 1931 г. по постановлению ВЦИК и СНК в адыгских аулах был создан общественный суд, который «должен был рассматривать все дела, не связанные с классовыми элементами (об алиментах, имущественных спорах, нарушении порядка, трудовые споры)»³⁵. Однако мы не располагаем архивными или полевыми материалами, которые свидетельствовали бы о реальном функционировании созданных советской властью новых судебных органов. Скорее всего, адыги старались их игнорировать.

В конце 1920-х годов советская администрация на Северном Кавказе приступила

к полной ликвидации традиционной системы власти и права. Идеологи советской власти писали, что «адат объединяет в одно целое весь род... и стирает классовые границы в пределах родственной группы. Это обстоятельство в сильнейшей степени тормозит развитие чувства классового самосознания беднейшей части крестьянства национальных республик и областей, и в этом отношении адат является реакционнейшим пережитком родового быта»³⁶. В 1928 г. на 20-й сессии ЦИК XIII созыва были приняты Дополнения к 10-й главе УК РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», согласно которым вводились уголовные санкции за получение установленного посредниками денежного вознаграждения, за присвоение полномочий посредников (ст. 194 – «Принятие имущественного вознаграждения, уплачиваемого убийцей, его родителями, родичами или родом убитого в качестве выкупа, освобождающего от мести или законного преследования, влечет за собой штраф не свыше двухкратного размера полученного вознаграждения» и ст. 203 – «Присвоение судебных полномочий вынесением решений по обычаю коренного населения (адат и пр.) в нарушение основ советского права, с использованием зависимости сторон, проистекающей из отношений родового быта – принудительные работы до 1 года или штраф до 1000 рублей»³⁷. Ужесточались наказания за преступления, совершенные на почве кровной мести (ст. 201 – «Нападение на личность, семью, род или племя, на жилище или места обитания, организованное при участии большого числа сородичей или соплеменников, по родовой или племенной вражде в отношении организаторов и руководителей – лишение свободы до одного года»³⁸. Председатель Областного суда Кабардино-Балкарской автономной области в 1932 г. писал в Кассационную коллегию о необходимости более «жесткой политики по тем преступлениям, которые вытекают из родовой кровной мести»³⁹. Чиновники из местных национальных кадров Чечни и Дагестана были готовы в качестве дополнения в 10-ю главу Уголовного Кодекса РСФСР ввести и положение о смертной казни за убийства, совершенные «на почве кровной мести»⁴⁰. Уже к середине 1930-х годов, как писал Т.М. Катанчиев, было покончено и с остатками кровной мести, и с денежным вознаграждением в качестве компенсации за причиненный физический ущерб⁴¹. Между тем, как показывают полевые этнографические материалы автора, оба вышеописанные явления продолжают в некоторой степени сохраняться и в современном адыгском обществе, приобретая в значительной мере завуалированные формы.

1950–1990-е годы

Исходные конфликты. Большинство конфликтных ситуаций в адыгской общине возникает между односельчанами, особенно между соседями⁴². Главным образом это столкновения между двумя личностями, но бывают и групповые. Так, в одном адыгейском ауле в начале 1990-х годов молодой житель П. оскорбил старшего по возрасту жителя Ш., проживающего в том же квартале, что и молодой парень. Старший ударил младшего. На следующий день обе стороны приобрели поддержку со стороны близких родственников: со стороны старшего в конфликте приняли участие 7 семей, со стороны младшего – 11 семей. Конфликтующие группы начали вести себя агрессивно, угрожая расправой⁴³. Если в ауле наряду с адыгами проживают представители других этносов (русские, балкарцы, курды и т.д.), то межличностные конфликты происходят и среди них. Так, в ауле Кошехабль в 1994 г. поссорились русская А. и кабардинка Х. из-за того, что русская оскорбила кабардинку и ее умерших родственников.

Наиболее распространенная форма столкновения – словесные ссоры, драки, заканчивающиеся нанесением легких телесных повреждений или тяжелыми ранениями, или (что бывает редко) убийствами. Убийств в адыгейских аулах мало: в среднем за 20–30 лет в ауле происходит одно-два убийства. Нам известен лишь один случай убийства соседа, происшедший из-за ревности⁴⁴. Было и одно убийство мальчиком своего ровесника-односельчанина. В основе конфликта между ними лежали недружелюбные отношения их родителей⁴⁵. Достаточно распространенными в адыгейских аулах

бывают непредумышленные ранения или убийства во время вечеринок, свадеб или автомобильных аварий на дорогах⁴⁶. Так, в 1990 году в адыгейском селении несколько односельчан – дальних родственников – во время выпивки случайно убили одного из присутствовавших и сбросили его в колодезь⁴⁷. Случаи изнасилования соседки или односельчанки чрезвычайно редки. Еще реже происходит изнасилование при похищении девушки⁴⁸. Как показывают экспедиционные материалы, в последние годы значительно увеличилось число краж, главным образом скота у односельчан⁴⁹.

Причиной конфликтов между односельчанами, в том числе между соседями или жителями одного квартала, бывает хозяйственный (невозврат долга, порча огорода, ранение или убийство животного, лошади или домашнего скота и т.д.) или моральный (оскорбления) ущерб. Приведу пример. Пьяный потребовал у соседа денег займа. Тот отказался дать, за что и был ранен соседом-пьяницей.

Жители разных селений также имеют столкновения различного уровня и форм. Главным образом это непредумышленные ранения и убийства во время автомобильных аварий на дорогах и изнасилования, совершаемые адыгцами в русских хуторах. Обычно вокруг адыгейского селения располагаются два-три русских хутора. В хуторах в отличие от адыгейских аулов устраиваются танцы, на которые приходят и адыгейцы. Во время этих вечеринок случаются различные конфликты между молодежью, в том числе и изнасилования русских девушек. Изнасилований же адыгеек из других аулов мало⁵⁰. В последние годы в Адыгее прошла частичная ликвидация колхозов, что привело к возникновению земельных конфликтов между адыгами и русскими. Так, колхоз, объединявший адыгейский аул и два русских хутора, в 1993 г. был распущен. Адыгейский аул вошел в Акционерное общество «Дружба», а русские хутора – в другое акционерное общество и товарищество. При разделе между новыми образованиями возник конфликт. Сенокосные земли, которыми ранее пользовался русский хутор, отошли адыгейскому акционерному обществу. Это вызвало недовольство жителей русского хутора. Другой конфликт между адыгейским аулом и русским хутором произошел из-за межколхозной откормочной базы⁵¹.

Кровная мечь и вражда. В настоящее время ситуаций, связанных с кровной мечью, мало, что объясняется рядом обстоятельств. В адыгейских аулах происходит не много серьезных столкновений, которые требовали бы в качестве ответной реакции мщения. К кровной мещи как к ответной реакции на причиненный физический, материальный или моральный ущерб в настоящее время прибегают значительно реже, нежели в XIX в. И, наконец, адыги обращаются к ней только тогда, когда посредникам не удастся примирить конфликтующие стороны. Типичен случай, происшедший с одним адыгейском ауле: мужчина из-за ревности убил соседа. Осужденный советским судом убийца отбыл наказание и вернулся в родной аул. Семья потерпевшего совершила на него покушение, пытаясь отомстить за убийство. Вскоре убийца умер в больнице, а его родной брат, боясь мести, переехал жить в другое селение. Чаще всего виновные в убийстве после тюремного наказания не возвращаются в свое селение из-за боязни мести со стороны семьи убитого. Конфликтующие стороны, считающиеся «кровниками», не здороваются и не общаются между собой, стараются не встречаться в общественных местах⁵².

Существуют и «бескровные» формы мести. После драки или нанесенного оскорбления виновного могут опозорить во время какого-либо торжества. Например, ему не дают произнести тост или во время произнесения тоста дают ему негативную характеристику⁵³.

В настоящее время в адыгейском обществе чаще устанавливаются не отношения «кровников», а «враждебные отношения». Бытует и понятие «вражда» (по-кабардински «жэгъогъу», «сибий», «сыжэгъэгъу») ⁵⁴. А.А. Плиев подобное разделение обнаружил и в чеченском обществе 50–80-х годов XX в.⁵⁵ Враждебные отношения могут устанавливаться как из-за незначительных ссор или драк, так и из-за серьезных столкновений, приведших к ранению или убийству, а также в результате значительных автомобильных аварий, влекущих за собой жертвы. Враждебные отношения

могут существовать короткое время, но могут сохраняться и много лет. Так, после драки между соседями из-за жены одного из них вражда между семьями продолжалась 9 лет⁵⁶. Если вражда установилась после неумышленного убийства, то она чаще всего длится в течение года.

Враждебные отношения сохраняются преимущественно в среде старшего поколения: дети обеих сторон, как правило, не участвуют в конфликте, между ними даже возможны брачные отношения. При враждебных отношениях сами участники конфликта и их семьи не разговаривают, редко приходят друг к другу на свадьбы и похороны. Во время похорон кого-либо из семьи виновной стороны родственники потерпевшей стороны не принимают активного участия в организации похорон. Если они присутствуют на одном собрании, то могут публично критиковать друг друга, но между собой не разговаривают. Считается неэтичным виновному попадаться на глаза членам семьи потерпевшего. Когда здороваются, могут не подать руки. Виновный первым не подает руку. Если виновный придет на свадьбу к потерпевшей стороне, то побудет там недолго⁵⁷.

Возможны и враждебные отношения между группами родственников или односельчан. Так произошло в одном адыгейском ауле: молодой житель оскорбил старшего по возрасту жителя своего же квартала. Родственники конфликтующих сторон начали враждовать. Подобное развитие получил и конфликт в другом адыгейском селении после совершения убийства жителями села в пьяном состоянии.

Суд посредников. Суд посредников как юридический институт в современном адыгейском обществе отсутствует. Официальным судебным органом в северокавказских республиках является российский (в прошлом советский) суд, опирающийся на российское законодательство. Такие преступления (согласно российскому уголовному законодательству), как ранение, убийство, адыги, как и прежде, не считают преступлениями, а рассматривают их как причинение физического ущерба. В силу этого посредничество как традиция продолжает играть значительную роль в урегулировании различных конфликтных ситуаций, чаще всего при нанесении физического, реже – имущественного ущерба⁵⁸. Официальные судебные органы в Адыгее и Кабардино-Балкарии не препятствуют адыгам в их желании использовать традиционное посредничество, т.е. не обращаться в народный суд. Если конфликтующие стороны согласны на примирение через посредников, народный суд не настаивает на рассмотрении дела у себя. Чаще всего официальные судебные органы рассматривают ситуации, связанные с нанесением материального ущерба (трудовые и земельные споры), а также иски о разводах⁵⁹.

При незначительных столкновениях или драках с причинением физического ущерба (ранения) стороны обращаются к авторитетным сельчанам, умеющим улаживать конфликты. Ими бывают либо мужчины тех кварталов, в которых проживают участники столкновения, либо старшие родов. Если потерпевшему нанесен физический урон, то родители виновного также могут принять участие в миротворческом процессе⁶⁰. Если конфликтующие стороны молоды, то посредниками могут быть и их старшие братья. Группа посредников может состоять из пяти–семи человек, а может и из одного-двух, если дело касается внутрисемейных проблем⁶¹. Если посредникам удалось примирить стороны, то потерпевший не подает заявления в милицию, а если он подал его ранее, то пишет новое об отсутствии претензий к виновному⁶². Посредники вместе с виновным приходят с извинениями к семье потерпевшего, навещают его самого, приносят ему подарки. По выздоровлении потерпевший устраивает вечер (по-кабардински «тхьэллэлү»), на который виновный приносит угощение. Иногда виновный сам устраивает традиционное «примирительное угощение» и приглашает семью потерпевшего, которая чаще всего не отказывается от такой встречи⁶³. Если физический ущерб значителен, то посредники предлагают семье потерпевшего денежную компенсацию. Например, если пострадавшему выбили зуб, виновная сторона оплачивает стоматологические услуги и т.п.⁶⁴

Если же примирение не состоялось, то между сторонами устанавливаются враж-

дебные отношения. В тех случаях, когда участники конфликта живут по соседству, семья виновного (в редких случаях и семья потерпевшего) добровольно покидает свое селение и переезжает на постоянное жительство или в другое селение, или в другой квартал своего же селения⁶⁵. Возможно, это отголоски бытовавших в XVII–XIX вв. решений суда посредников, который наряду с установлением денежной компенсации мог заставить семью виновного переехать в другой аул на временное или постоянное жительство.

При убийствах (умышленных или неумышленных) адыги также обращаются к помощи посредников для примирения родственников потерпевшего с виновным и его семьей. Традиционное примирение в этих случаях происходит параллельно с официальным судебным процессом и позволяет, во-первых, ослабить или исключить установление враждебных отношений между сторонами, и во-вторых, смягчить наказание, которое будет определено российским судом⁶⁶.

Посредничество при умышленных убийствах не всегда бывает успешным. Среди адыгов бытует мнение, что если убийство совершено при каких-либо отягчающих обстоятельствах, то виновной стороне неприлично просить о помощи в посредничестве. Она, как правило, и не пытается этого делать, да и вряд ли кто из односельчан согласится в таком случае стать посредником⁶⁷. Например, в 1990 г. в адыгейском ауле несколько односельчан выпивали и, повздорив, сбросили одного молодого человека из своей компании в колодезь. Никто в селении не захотел быть посредником в деле об убийстве, поскольку виновные не пришли к матери погибшего и не рассказали ей о случившемся. Мать убитого не разрешила им присутствовать на похоронах сына⁶⁸. Затруднено использование традиционного посредничества и в тех случаях, когда убит родственник: чем ближе родственники, тем сложнее примирение⁶⁹. Это новое явление для адыгейского общества, поскольку в прежние времена убийство внутри родственной группы не рассматривалось как нанесение физического ущерба и соответственно не требовало ни примирения, ни денежного возмещения.

При неумышленных убийствах, совершенных, главным образом, во время автомобильных аварий, виновный обращается к посредникам за помощью в примирении с семьей потерпевшего. В таких случаях адыги охотно откликаются на просьбу, однако семья потерпевшего не всегда соглашается на переговоры с посредниками. Известны случаи, когда при неумышленном убийстве старика его дочь отказалась мириться, а при аналогичном убийстве мальчиком мальчика (из винтовки), так же поступили родители потерпевшего. В среднем в восьми из десяти случаев автомобильных аварий со смертельным исходом семья потерпевшего не обращается в официальные судебные органы или дает подписку в народный суд об отсутствии претензий к виновному⁷⁰.

При убийствах в качестве посредников обычно выступают авторитетные пожилые мужчины, соседи виновного, и обязательно хотя бы один его родственник (старшие по возрасту члены семьи, отец или мать виновного, родственники матери, старшие братья виновного). Если в группе посредников, состоящей обычно из пяти–семи человек, нет пожилого авторитетного односельчанина, то могут пригласить и духовное лицо. Посредники должны обладать рядом определенных качеств (мягкостью, религиозностью, авторитетом), способствующих успешному урегулированию конфликтных ситуаций. Большое значение имеют и дружеские связи как между участниками конфликта, так и между посредниками. Обычно виновный выбирает таких посредников, которые дружны с семьей потерпевшего⁷¹.

Как только случившееся получает известность, посредники в головных уборах, в одежде с длинными рукавами идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит вначале к старшим по возрасту членам семьи потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходит один из старших по возрасту из семьи потерпевшего, и посредники предлагают этой семье оказать материальную помощь. Вызванный возвращается в дом и советуется с остальными членами семьи, которые уговаривают отца потерпевшего принять помощь. Посредники не имеют права предлагать материальную поддержку непосредственно родителям умершего. Подобные

переговоры – процесс длительный, и иногда посредникам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа посредников идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывается в примирении до двух-трех раз⁷².

Если удастся начать процесс примирения, то группа посредников посещает дом потерпевшего каждый день, принося продукты и деньги. Когда наступают похороны и поминки, семья виновного и посредникам разрешается присутствовать на них и принять участие в их организации. Затем посредники вновь приезжают в дом потерпевшего и предлагают дополнительное материальное возмещение. Его сумма не определена строго: виновная сторона дает столько денег, сколько может. Если родители умершего его принимают, то посредники начинают просить, чтобы семья потерпевшего не подавала заявление в суд или забрала его оттуда если уже подала, что она и делает. После этого отношения между виновным и семьей умершего продолжают оставаться натянутыми в течение одного-двух лет: если семья виновного пригласит родственников потерпевшего на свадьбу, то может получить отказ. Дружеские отношения между семьями чаще всего восстанавливаются после годовых поминок⁷³.

Чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее посредникам добиться примирения⁷⁴. Поэтому если им не удалось восстановить дружеские отношения между семьями виновного и потерпевшего, то иногда, как уже отмечалось, семья виновного принимает решение о добровольной смене места жительства⁷⁵.

Традиционное посредничество практически не используется при совершении изнасилования, поскольку такие ситуации регулируются чаще всего с помощью брака⁷⁶. Тем не менее при похищении девушек, которое в настоящее время происходит по договоренности молодых пар, посредники оказывают значительную помощь в разрешении возникающих конфликтов. К похищению невесты адыги прибегают в тех случаях, когда родители девушки не дают согласия на брак. Посредники уговаривают родителей дать положительный ответ на брак. Но бывает и так: девушка сначала согласилась на традиционное похищение, а потом передумала выходить замуж. Родственники похитителя прибегают к посредничеству, чтобы семья девушки не подала в суд и не установила враждебных отношений с их семьей. В этом случае медиаторами бывают старшие жители села, старшие, а иногда и молодые, но авторитетные члены семьи виновного. Группа посредников, не превышающая трех-четырёх человек, сразу после похищения идет в дом девушки и ведет переговоры с ее родителями. Если девушка согласна выйти замуж, а они против, посредники уговаривают их дать согласие на брак, но, если она отказывается выйти замуж за похитившего ее парня, посредники просят ее родню не предъявлять ему претензий. Если парень привез украденную девушку до рассвета, он извиняется перед ее родителями и посредникам удается урегулировать ситуацию. Но если он вернул ее в родительский дом на третий-четвертый день, то возможен серьезный конфликт между семьями. Тогда посредники приходят в дом похищенной девушки и пытаются уговорить ее выйти замуж. Если сразу это им не удалось сделать, то через некоторое время они уже в новом составе (родственники и друзья виновного, а также авторитетные для семьи девушки люди) приходят вновь. Чаще всего подобные ситуации заканчиваются мирно⁷⁷.

Наконец, именно к посредникам, а не в российские судебные органы обращаются адыги при совершении краж частного имущества. Потерпевший через посредников просит вернуть краденое. При ведении переговоров с виновным важное значение имеет то, какую по счету кражу он совершил. Если человек ранее уже был замечен в воровстве, то вряд ли потерпевший ограничится возвращением краденого. Так, известен случай, когда адыгейцы, украв один раз 15 коров, вновь совершили подобную кражу. Потерпевшие подали на них в суд⁷⁸.

Традиция посредничества используется при урегулировании конфликтных ситуаций не только между адыгами. В ряде случаев к ней обращаются и при серьезных

столкновениях между адыгами и проживающими в соседних хуторах русскими. Например, при неумышленных убийствах во время автомобильных аварий, если виновный – русский, то его семья через посредников предлагает семье потерпевшего адыга материальную помощь, которую последняя, как правило, принимает. Если же виновный – адыг, то семья потерпевшего русского чаще подает в народный суд или требует значительного материального вознаграждения⁷⁹. С помощью посредников адыги улаживают с русскими ситуации, связанные с изнасилованием русских девушек. В этих случаях родственники виновного адыга вместе с посредниками идут в дом потерпевшей и предлагают ее родственникам денежное вознаграждение, которое чаще всего принимается⁸⁰.

Сельский сход. Продолжает оставаться в адыгской общине наиболее реальной силой в миротворческом процессе. Сход в качестве неофициального судебного органа рассматривает некоторые уголовные дела, в частности кражи и драки. Обычно сход принимает решение о выслении злостных воров или агрессивно настроенных участников драки, но такие случаи бывают редко⁸¹.

В целом, как показывают полевые этнографические материалы, человек, который отказался от услуг посредников, односельчанами осуждается и презирается ими⁸². В основе жизни адыгов продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию спокойной атмосферы и общественного мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений.

Примечания

¹Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880; Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893; Харузин Н.Н. Очерки первобытного права. М., 1898; Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений (Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права). М., 1901; Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. 1–2. М., 1905; Башимаков А.А. Очерки права родового, наследственного и обычного. СПб., 1913 и др.

²Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 2. М., 1886; *его же.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции... С. 1–10.

³Хаханов А. Суд общины у грузин-горцев // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1893. № 1; Тесленко В. О судоустройстве по обычному праву белорусов // ЭО. 1893. № 3; Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // ЭО. 1894. № 2; Израциев Н. Обычное право киргизов Семиреченской области // ЭО. 1897. № 3; Миллер Б.Вс. Из области обычного права карачаевцев // ЭО. 1902. № 1, 3.

⁴Игнатъева М.Н. Обычное право якутов (XVII–XIX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; Дончев К.Т. Обычное право болгарской деревни от освобождения до 40-х гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985; Куадже Р.З. Социальные отношения и их отражение в неписаном феодальном праве Адыгеи (Черкесии) XVIII – первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1988; Селюков Ф.Т. Обычное право: основные понятия, структуры, функции и методы изучения. М., 1991. – Деп. в ИНИОН; Табо М.Э. Брак и семья по обычному праву Лесото. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Галбен А.И. Развитие обычного права феодальной Молдавии в XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1982.

⁵Магомедов Р.М. Адааты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960; Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография (далее – СЭ). 1960. № 5; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата первой половины XIX в. Нальчик, 1990; Куадже Р.З. Социальные отношения...; Кучмезова М.Ч. Имущественное и наследственное права балкарцев в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. 6. Нальчик, 1972.; Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1967; Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. М., 1984; Громыко М.М. Община в обычном праве сибирских крестьян в XVIII – 70-х годах XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974; Мамакаев М. Чеченские тайпы в период разложения. Грозный, 1973; Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – первая половина XIX вв.). М., 1972; Кокурхаев К.А. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX в.). Харьков, 1983; Ахметова Н.С. Институт «кун» в обычном праве казахов и его отмена

при Советской власти. Алма-Ата, 1979; *Викторин В.М.* Указ. раб.; *Галбен А.И.* Указ. раб.; *Эдиева Ф.Д.* Обычное право в системе общественных отношений карачаевцев. М., 1975.

⁶*Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990; *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976; *Дончев К.Т.* Указ. раб.; *Кисляков Н.А.* Нормы наследования по адату и шарияту у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1973; *Азаматов К.Г.* Указ. раб.; *Галбен А.И.* Указ. раб.

⁷*Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978; *Игнатьева М.Н.* Указ. раб.; *Хайтчиев А.* Уголовное обычное право туркмен. Ашхабад, 1986; *Кокурхаев К.А.* Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 1. Грозный, 1977; *Эдиева Ф.Д.* Указ. раб.

⁸*Гарданов В.К.* Введение // Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956; *его же.* Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. Доклад № 281. С. 1–2; *его же.* Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII–XIX вв. // СЭ. 1964. № 1; *его же.* Обычное право как источник... См. также: *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988; *Магомедов А.Х.* Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974; *Раджабов Г.А.* О системе управления сельской общины в Ширване // Вопросы истории Азербайджана. Баку, 1966; *Кожоналиев С.К.* Уголовная ответственность по обычному праву киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе. 1989 – Деп. в ИНИОН; *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; *Гаптемирова Ф.А.* Указ. раб.; *Эдиева Ф.Д.* Указ. раб.; *Азаматов К.Г.* Указ. раб.; *Тхамокова И.Х.* Из истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии. Нальчик, 1981; *Калмыков Ж.А.* Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890–1917 гг.) // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. Ростов-на-Дону, 1975. № 1.

⁹*Хашиев Х.М.* Шарият, адат и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане. М., 1949; *Брайнин М.С., Смирнов Е.Н.* Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев. М., 1962; *Барамия А.И.* Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершенными на почве кровной мести (по материалу Груз. ССР). Москва; Сухуми, 1965.

¹⁰*Плиев А.А.* Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы советской власти. М., 1969; *Иванова Ю.И.* Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 151.

¹¹*Кумьков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (XVIII–XIX вв.) // Уч. зап. Кабардино-Балкарского института истории. Нальчик, 1963. Т. 19. С. 97.

¹²*Тхамокова И.Х.* Из истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии. Нальчик, 1981.

¹³*Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 317–318.

¹⁴Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф.И-22. Оп. 1. Д. 5525; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 72; Ф.Р-165. Оп. 1. Д. 1; Ф.Р-159. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Республиканский архив Адыгеи (далее – РАА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 212; Ф. 954. Оп. 1. Д. 47.

¹⁵ЦГА КБР. Ф.Р-165. Оп. 1. Д. 1; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 72; Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 407. Л. 1; Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 23. Л. 16; РАА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 43.

¹⁶*Мокринский С.П.* Преступления, составляющие пережитки родового быта // Советское право. М., 1927. № 3. С. 109; *Голунский С.А.* Кризис бытовой преступности в Осетии // Материалы для изучения Северной Осетии. Вып. 1. Преступности, правонарушители. Ростов н/Д., 1929. С. 18–19.

¹⁷ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 6418; Полевые материалы Института истории, филологии и экономики КБР (далее – ПМ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 14; РАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212; ЦГА КБР. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 23. Л. 16; РАА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 43.

¹⁸ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 6418; Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 23. Л. 16; РАА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 43.

¹⁹ЦГА КБР. Ф.Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 95.

²⁰*Гюнтер А.Р.* О преступности в Северной Осетии // Материалы для изучения Северной Осетии. Вып. 1. Преступности, правонарушители. Ростов н/Д., 1929. С. 23.

²¹ЦГА КБР. Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 366. Л. 5; Ф.Р-104. Оп. 1. Д. 25. Л. 12, 24; Ф.Р-104. Оп. 17 Д. 25. Л. 12–24; Ф.Р-159. Оп. 1. Д. 62. Л. 10 об.; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 72; Ф.Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 59; Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–36; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 72.

²²Там же. Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 72.

²³Там же. Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 366. Л. 5; Ф.Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 59; Ф.Р-159. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

²⁴РАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212.

²⁵ЦГА КБР. Ф.Р-167. Оп. 1. Д. 7.

²⁶Там же. Ф.Р-159. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

- ²⁷ПМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14.
- ²⁸ЦГА КБР. Ф.Р-167. Оп. 1. Д. 7; Ф.Р-6. Оп. 1. Д. 490.
- ²⁹Там же. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 163. Л. 2-36; Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 366. Л. 5.
- ³⁰Киров С.М. Избранные статьи и речи. М., 1957. С. 128.
- ³¹Советская Адыгея. Краснодар, 1925. Вып. 1. С. 86.
- ³²ЦГА КБР. Ф.Р-159. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Д. 62. Л. 10 об.; Ф.Р-165. Оп. 1. Д. 1.
- ³³Мисроков З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа. М., 1979.
- ³⁴ЦГА КБР. Ф.Р-92. Оп. 1. Д. 35. Л. 18; Мокринский С.П. Указ. раб. С. 110.
- ³⁵ЦГА КБР. Ф.Р-92. Оп. 1. Д. 52. 67. Л. 18.
- ³⁶Намитокон А. Пережитки родового быта и советский закон. М., 1929. С. 8; Балабан К. Борьба с пережитками родового быта и вызванные ими преступления // Рабочий суд. 1928. № 20. С. 1512.
- ³⁷Намитокон А. Указ. раб. С. 27-29.
- ³⁸Катанчиев Т.М. Формы и методы борьбы с сохранившимися вредными установками местных обычаев, т.е. «адыгэ хабзэ» и шариата в Кабардино-Балкарской АССР // Советское право, традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Нальчик, 1972. С. 117.
- ³⁹ЦГА КБР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 504.
- ⁴⁰Мокринский С.П. Указ. раб. С. 109.
- ⁴¹Катанчиев Т.М. Указ. раб. С. 117.
- ⁴²Полевой этнографический материал автора. Адыгея 1994-1995 гг. (далее - ПА). Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Полевой этнографический материал автора. Кабардино-Балкария 1993-1994 гг. Тетр. 4. Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Кошехабльские вести. 1995. № 79.
- ⁴³ПА. Тетр. 2. Оп. 10. Д. 20.
- ⁴⁴Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17; Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2; Тетр. 4. Оп. 3. Д. 3; Оп. 2. Д. 2; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5-6; Документы сходов граждан аула Кошехабль. 1990-1994 гг.
- ⁴⁵Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5-6; Оп. 5. Д. 13; Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1, 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 5. Д. 1.
- ⁴⁶Там же. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 5. Д. 1; Оп. 6. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 14; Тетр. 2. Оп. 10. Д. 20.
- ⁴⁷Там же. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5-6; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1-2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 2. Д. 2.
- ⁴⁸Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5-6; Оп. 5. Д. 13; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1, 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.
- ⁴⁹Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 3-6; Оп. 4. Д. 11; Оп. 3. Д. 10; Оп. 2. Д. 9; Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16.
- ⁵⁰Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 2, 5-6; Оп. 2. Д. 7; Оп. 3. Д. 10; Оп. 1. Д. 2, 5-7, 9; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 14, Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17; Оп. 10. Д. 20; Тетр. 4. Оп. 5. Д. 1; Оп. 7. Д. 1, 17; Оп. 4. Д. 11, 12; Оп. 2. Д. 7; Оп. 5. Д. 13; Оп. 6. Д. 16; Оп. 8. Д. 18; Оп. 4. Д. 12.
- ⁵¹Там же. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 7; Оп. 5. Д. 13-14; Оп. 4. Д. 11, 12.
- ⁵²Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2; Оп. 2. Д. 2; Оп. 6. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1.
- ⁵³Там же. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.
- ⁵⁴Там же. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.
- ⁵⁵Плиев А.А. Указ. раб. С. 6-7.
- ⁵⁶ПА. Тетр. 1. Оп. 4. Д. 12.
- ⁵⁷Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 8. Д. 18; Оп. 10. Д. 20; Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2; Тетр. 1. Оп. 5. Д. 13.
- ⁵⁸Там же. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2.
- ⁵⁹Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3-6; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 15; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.
- ⁶⁰Там же. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4.
- ⁶¹Там же. Тетр. 4. Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 4. Д. 1-2; Оп. 9. Д. 3; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 8. Д. 18; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5-6; Оп. 2. Д. 7.
- ⁶²Там же. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 9; Оп. 1. Д. 1; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1.
- ⁶³Там же. Тетр. 4. Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 9. Д. 3; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5-6.
- ⁶⁴Там же. Тетр. 4. Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.
- ⁶⁵Там же. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.
- ⁶⁶Там же. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2; Оп. 8. Д. 4; Оп. 6. Д. 1.
- ⁶⁷Там же. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 2.
- ⁶⁸Там же. Тетр. 1. Оп. 5. Д. 13.
- ⁶⁹Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4.
- ⁷⁰Там же. Тетр. 4. Оп. 5. Д. 1; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 1-2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 2; Оп. 6. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 11; Оп. 2. Д. 9.
- ⁷¹Там же. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.

⁷²Там же. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1–2; Оп. 5. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 2.

⁷³Там же. Тетр. 5. Оп. 1. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 2. Д. 7; Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 2. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 8. Д. 18; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 6. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 17.

⁷⁴Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17.

⁷⁵Там же. Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 10. Д. 20.

⁷⁶Там же. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5–6; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.

⁷⁷Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 2. Д. 7–9; Оп. 4. Д. 12; Оп. 8. Д. 18; Оп. 10. Д. 20; Оп. 6. Д. 16.

⁷⁸Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5–6; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16.

⁷⁹Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 2. Д. 7; Оп. 3. Д. 10; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 14; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 10. Д. 20; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.

⁸⁰Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17; Оп. 8. Д. 18.

⁸¹Там же. Тетр. 1. Оп. 3. Д. 10; Оп. 1. Д. 3–4.

⁸²Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 12.

I.L. B a b i t c h. Evolution of the common law of Adygs during the Soviet and Post-Soviet times

The particular items of the article are the major kinds of conflicts and their moderation in the Adyge society, blood revenge, the traditional institution of the court of moderators.